

УДК 930.1:930.85

МИССИЯ УНИВЕРСИТЕТОВ В РОССИИ: ВЕК XIX

С.М. Михайлова, О.Н. Коршунова

Аннотация

Акцентируя внимание на специфике и динамике эволюции университетской системы России, авторы иллюстрируют многофункциональность и глубину социокультурного воздействия университетов на отечественную цивилизацию. Наряду с характерной заслугой ведущих научных школ XIX в., имевших российский и мировой резонанс, они прослеживают генетически обусловленные связи старейших университетов страны, а также – на примере Казанского университета – просветительские и общественные функции сообществ университетариев.

Университеты выполняли уникальную роль в европейской культуре и науке, играя одну из ведущих скрипок интеграции. Тенденция университетской культуры – превращение их в корпорации преподавателей и студентов – ведет начало со средневековья. В университетах пестовали политическую и интеллектуальную элиту Европы. Судьба европейских университетов парадоксальна: основанные по соображениям борьбы с ересями, Сорбонна и Болонский, Оксфордский и Кембриджский университеты впоследствии обрели статус синонимов всеобщей науки. «Нестыковки» мотивов основания и следствий наблюдались и в России: университеты из проводников государственно-религиозного курса превратились в очаги просвещения, средоточие формирования политических инициатив.

Университетская система России сложилась в XIX в.: подготовка просвещенной бюрократии, способной осуществить политические преобразования в стране, представала насущной задачей. Отмена сословных ограничений на получение образования представала попыткой заимствовать европейский опыт организации университетской системы¹. Объективные потребности социально-экономического и культурно-политического развития России с ее запаздывающими волнами модернизации и европеизации, длительным доминированием традиционных пластов культуры, культом слова обусловили повышенное значение просветительских и социально-адаптационных функций университетов. Выражению *alma mater* в русской интерпретации соответствовал эквивалент «кормилица»: в университетах юношество получало духовную пищу.

Костяк университетской системы в начале века составили Московский (1755), Дерптский (1802), Виленский (1803), Казанский (1804) и Харьковский

¹ См.: Вишленкова Е.А. Религиозно-мировоззренческие аспекты университетской политики России первой четверти XIX века // Ученые записки Казанского университета. – Казань, 1998. – Т. 134.

(1805) университеты. Виленский считался лучшим среди польских, а также русских и «едва ли во многом уступал» заграничным (закрыт в 1832 г.). Специфика старейших университетов России состояла в том, что дворянство ориентировалось на обучение в закрытых сословных заведениях, не слишком высоко оценивая преподавательскую работу. Наперекор и вопреки правительственным намерениям университеты тесно срастались с недворянскими слоями, впитывая демократические настроения.

Возникнув как «зародыши будущего духовного развития» (Н. Булич), университеты аккумулировали традиции, преображая общество. Выпускники за годы учебы радикально преображались. «В семье не узнавали студента, вышедшего из университета». Он казался пришельцем из другого мира, так его понятия противоречили понятиям, укоренившимся в семье», – отмечал профессор Д. Корсаков¹. По мере уплотнения разночинного контингента университеты превращались в эпицентры общественной рефлексии. Символ студенчества – шпага – олицетворял государственную значимость образования... В студенчество рекрутировалась одухотворенная идеей служения Отечеству молодежь. Выпускник Московского благородного пансиона и Геттингенского университета Н.И. Тургенев констатировал высоту нравственной планки выпускников Московского университета, проявлявших на службе «благородство характера, честность и человеколюбие – качества, редкие в сей сфере деятельности».

Выпускник Казанского университета А.Н. Бекетов подметил многофункциональность и глубину воздействия университетов на отечественную цивилизацию, сравнив университетские города России с «оазисами в пустыне». С.М. Степняк-Кравчинский по поводу политизации, захлестнувшей высшие учебные заведения во второй половине XIX в., отмечал, что «русские университеты занимают своеобразное и совершенно исключительное положение. Вне России университеты – учебные заведения и больше ничего», в России университеты и гимназии – центр «самой бурной и страстной политической жизни»². Одновременно российские университеты, по аналогии с европейскими собратьями, служили интеграторами социума. «Пестрая молодежь, пришедшая сверху, снизу, с юга и севера, – констатировал А. Герцен, выпускник Московского университета первой половины века – быстро сплавлялась в компактную массу товарищества. Общественные различия не имели у нас того оскорбительного влияния, которое мы встречаем в английских школах и казармах; об английских университетах я не говорю: они существовали исключительно для аристократии и для богатых»³.

Действительно, отличия отечественных университетов от европейских аналогов значительны. Во многих университетах Запада преподавание несло на себе печать установки на усвоение ценностей религиозного учения. Даже в США, где отделение от церкви официально и юридически закреплялось в конституции, подобная декларация долго оставалась формальностью⁴. Структура

¹ Корсаков Д.А. Былое из университетской жизни // Былое из жизни Казанского университета. – Казань, 1904. – С. 38.

² Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. – М., 1964. – С. 242.

³ Герцен А. Былое и думы. – М., 1970. – С. 116.

⁴ Филитова Л.Д. Высшая школа США. – М., 1981. – С. 16.

западных университетов предусматривала наличие богословского факультета. В России такой факультет был лишь в Дерпте.

Преподавание велось на русском языке. Исключение – Дерптский университет: там обучали на немецком. Преподавание на языках народов России оставалось мечтой демократической интеллигенции. Внушительной, особенно на начальных стадиях университетского образования, была роль немецко-российских профессоров. Это Френ, Эрдман, Берви, Клаус... Носителями западной культуры и его мировоззрения выступали в Казанском университете поляки, включая интеллектуальный пласт профессоров и преподавателей.

Культурную восприимчивость и толерантность отечественных университетов подметил в речи по поводу столетия Московского университета профессор С. Шевырев. Российские университеты, говорил он, «восприняли не только отвращенную умозрительность немцев с их философско-систематическим и глубокомысленным направлением науки, но и практический смысл французов, англичан и шведов»¹. Научные командировки открывали доступ к передовым достижениям европейской науки. Это командировки И.М. Симонова, А.М. Бутлерова, В.И. Григоровича, А.И. Александрова и многих других российских ученых. Характерен пример Бересфорда (Бориса Ивановича) Перси (1818–1877). Родившись в Лондоне, он преподавал в Казанском университете английский и немецкий языки. В 1859–1862 гг. командирован в Англию, затем в США. Член исторического общества в Пенсильвании (1861). Среди книг библиотеки Бересфорда Перси было первое американское издание романа И. Тургенева «Отцы и дети».

Миссия университетов коррелировалась политической конъюнктурой, личностными качествами ректоров. Н.И. Пирогов (1810–1881) об отличии атмосферы до и после 1825 г. писал: до этого временного рубежа «болтать... можно было вдоволь, о чем угодно, и вкривь, и вкось. Шпионов и наушников не водилось; университетской полиции не существовало», «запрещенные цензурою вещи ходили по рукам, читались студентами с жадностью и во всеулышание; чего-то смутно ожидали». С 1826 г. свирепствовал гнет попечительства, инспекторов и т. п.»². Ни один университет России, столичный или провинциальный, не являл собой образчик охранительно-консервативной линии либо однозначного «прогрессизма».

«Средоточие отечественного просвещения», Московский университет в адресе, направленном казанскими коллегами, чествовался прежде всего за заслуги в развитии «отечественного слова, отечественной истории и отечественного законоведения»³. В Казанском университете сложились признанные научные школы химиков, математиков, востоковедов. Российские университеты в XIX в. были не просто источником, из которого желающие черпали знания, но и местом формирования интеллигентов. Реализация просветительской функции представлялась передовым преподавателям неразрывно связанной с воспитательными задачами. В речи, произнесенной 5 июля 1814 г. в Казанском универ-

¹ Столетний юбилей Императорского Московского университета. – М., 1855. – С. 601.

² Соловьев И.М. Русские университеты в их уставах и воспоминаниях современников. Вып. 1. – СПб., 1914. – С. 122.

³ Столетний юбилей Императорского Московского университета. – С. 26

ситете, В. Перовщиков декларировал, что «просвещение рождает и самую любовь к Отечеству. Грубый человек иметь ее не может; полупросвещение производит космополитов, людей всегда бесполезных, часто вредных обществу»¹. Проблема корреляции личностных качеств воспитанников университетов и их интеллектуального прогресса явилась предметом рефлексии представителей разных идейных течений, включая охранительное, и в начале XX в. «Студент, который учится только для того, чтобы сдать экзамен и добавить положения в обществе, к университету никакого отношения не имеет», – убежденно заявлял видный публицист газеты «Новое время», организатор «Всероссийского национального союза» М.О. Меньшиков (1859–1918)².

Особенности университетов России были обусловлены спецификой региона и позиций местного дворянства. Члена училищного комитета, основателя Харьковского университета, просветителя В.Н. Каразина Герцен характеризовал как «неутомимого работника на общую пользу». Харьковские дворяне пожертвовали на устройство университета 658 тыс. руб. Вдохновителю инициативы создания университета Каразину в день столетия в городе воздвигли памятник. Сумма, собранная на его сооружение, была столь велика, что 150 тыс. руб. были переданы Казанскому университету на восстановление астрономической обсерватории, пострадавшей от пожара 1842 г. (!) Пожертвования дворяне Харьковской губернии обуславливали организацией военного отделения или отделения военных знаний, аналогичного кадетским корпусам. Каразину удалось убедить местных поборников создания университета ограничиться кафедрой военных наук.

Вдали от европейских очагов учености и властных структур создавался Казанский университет – детище и собрат Московского. В 1799 г. в Казань направлена группа воспитанников Московского университета, в том числе Нигмат Мисаилович Ибрагимов – наставник С.Т. Аксакова по «Обществу вольных упражнений в российской словесности». В первых учениках адъюнкта Ибрагимова оказался будущий ректор Московского университета Д.М. Перовщиков. Учились у Ибрагимова и братья Лобачевские.

В математике связующим звеном между Казанью и Москвой был учитель Н.И. Лобачевского Г.И. Карташевский (1779–1840). С 1805 г. он – адъюнкт высшей математики Казанского университета. Вместе с ним приступил к работе в Казани и питомец разночинной гимназии и университета Л.С. Левицкий (с 1805 г. адъюнкт умозрительной и практической философии). Адъюнктом Казанского университета стал его однокашник С. Петровский – преподаватель артиллерии и фортификации, позже – гражданской и военной архитектуры.

Для Казани, евразийской столицы России, в начале XIX в. университет был «новацией». Отношения внутри университетской корпорации не могли в одночасье принять цивилизованные формы. В конфликтных и радостных ситуациях первых лет университета «формировался специфический код университетской культуры, ее неповторимый дух, который и сегодня ощущают люди, попадающие в университет». В стартовую Александровскую эпоху наука воспринима-

¹ Речи и отчеты Казанского университета 1814–1852. – С. 14. – Отдел рукописей и редких книг библиотеки КГУ им. Н.И. Лобачевского (далее ОРРК).

² См.: Меньшиков М.О. Письма к русской нации. – М., 2005.

лась в связи с воспитанием нравственных устоев – представлений о доброте, отсутствия «дурных» склонностей, любви к Отечеству, благочестия и приверженности религии¹.

Конечно, студенты той поры ощущали романтизм эпохи. «Прекрасное, золотое время ... чистой любви к знанию», – вспоминал стартовые годы Казанского университета «первый студент» С. Аксаков². С другой стороны, колебания политики правительства обозначали зигзагообразную череду « послаблений и удержаний». Попытки дисциплинировать университетское сообщество обретали и неуклюжую форму. Приведем эпизод, описанный в воспоминаниях Н.И. Шеина: глава правления училищного комитета и попечитель Казанского учебного округа (1819–1826). М.Л. Магницкий «красноречиво изложил необходимость соединения в ученых людях учености со светскими приличиями и наружными формами», в порядке критики большинства профессоров за то, что «вдавшись в учение, исследования и занятия, до того пренебрегают наружностью, что являются посмешищем для учащихся». Магницкий принялся обучать профессоров манере появляться в гостиных и совершать поклоны «сообразно с принятыми в свете обыкновениями»³.

В первой половине XIX в. сложились научные школы, прославившие российскую науку. Научные интересы казанских гуманитариев – калька полиэтнического города. На поверхности космополитических устремлений были национальный вопрос, проблема федерального устройства государства, универсальные торговые и культурные контакты. В.Д. Жигунин отмечал, что эти вопросы выдвинулись на первый план в трудах казанских антиковедов. Их научные пристрастия – история международных отношений греко-римского мира – были незнакомы антиковедам Москвы, Санкт-Петербурга, Тарту и Харькова⁴. Спецификой географического и геополитического положения Казани был обусловлен курс правительства на формирование восточного разряда в Казанском университете. Во второй четверти века он стал центром изучения восточных культур, языков и истории.

Казанскую школу востоковедов отличала комплексность подхода к предмету исследования. Ее отличала многонациональность ученых, политическая непредвзятость и универсальность. В 1833 г. в Казани открылась монгольская кафедра, длительное время единственная в Европе. Трудности организации замыкались на отсутствии специалистов. Правительство предложило выписать преподавателя монгольского языка из-за границы, но Н.И. Лобачевский сформировал кафедру из воспитанников местного университета, командировав его представителей для изучения живого монгольского наречия и приобретения литературы на границу России с Монголией. Посланцы Казани впоследствии стали глубокими исследователями и переводчиками на русский язык Гэсериады – народного эпоса монголоязычных и тибетских племен (О.М. Ковалевский

¹ Вишленкова Е.А. Казанский университет Александровской эпохи: Альбом из нескольких портретов. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2003. – С. 5–7, 52.

² Аксаков С.Т. Семейная хроника. Детские годы Богрова-внука. Воспоминания. – М., 1973. – С. 616.

³ Соловьев И.М. Указ соч. – С. 122.

⁴ См.: Жигунин В.Д. Преемственность в изучении античной истории в Казанском университете Социально-историческое знание в Татарстане: исследовательские традиции и современность. – Казань, 1995. – С. 103–104.

и А.В. Попов). За пять лет пребывания среди бурят – монголов Ковалевский и Попов изучили монгольский, китайский, маньчжурский языки. Основоположник монголоведения О.М. Ковалевский (1800–1878) руководил кафедрой монгольского языка до ее перевода в Петербург.

Структурное оформление Восточного разряда завершилось созданием кафедр армяноведения и санскритологии (1842) во главе с С.И. Назарьянцем и П.Я. Петровым. С 1828 г. в Казани функционировала турецко-татарская кафедра, возглавляемая А.К. Казем-Бекком (1802–1870). Воспитанником Александра Касимовича был Илья Николаевич Березин. При поддержке Лобачевского он провел неоценимую публикаторскую работу. Преподавательской работе предшествовало трехлетнее путешествие по Закавказью, Ирану и Сирии. В Казани Березин издал «Библиотеку восточных историков», что было первой попыткой собрать, прокомментировать труды восточных историков и летописцев о монголах и их походах на Запад. Березин первым в Европе издал полный перевод «Монгольской истории», сохранявшей статус бесценного для исторической науки труда вплоть до выхода академического издания в середине XX века¹. Личность Ильи Березина олицетворяет животворную близость научных школ Казани и Петербурга. В 1855 г. в связи с переводом в столицу Восточного разряда он переведен на кафедру тюркских наречий Петербургского университета. Защитил докторскую диссертацию (1864).

Показательна для университетария той поры биография А.Н. Бекетова (1825–1902). В 1847–1848 гг. он – вольнослушатель Казанского университета. Докторскую диссертацию защитил в Москве. Работал профессором ботаники в Харьковском университете. Закончил карьеру в Петербурге, где основал ботанический сад при университете, а в 1876–1884 гг. был и ректором имперского университета. Известен, помимо прочего, организацией высших женских курсов; в течение 15 лет на них безвозмездно преподавал его брат – Николай Бекетов.

Не чужды были ученым провинциальных университетов проблемы славянства. Выпускник Московского университета В.И. Григорович, крупнейший славист России, преподавал в Казанском университете в 1839–1844 гг. Тезис о существовании славянского единства в его магистерской диссертации «работал» в качестве обоснования необходимости сравнительно-исторического изучения славянских языков, литератур, истории, этнографии. В славистике утверждалась адекватность методологического синтеза. Опорным тезисом Григоровича стало славянское Просвещение – единство фактов языка, истории, культуры. Владимир Иванович считал возможным рассматривать историю литературы восточных, южных и западных славян с позиций единой периодизации и типологического единства развития культур славянских народов².

Казань – часть научной биографии А.В. Болдырева. Ректор Московского университета, цензор столичного учебного округа известен тем, что позволил публикацию в журнале «Телескоп» «Философического письма» П.Я. Чаадаева.

¹ См. Михайлова С.М., Коршунова О.Н. Востоковедение и финно-угроведение в Казанском университете (XIX век) // *Studia slavica Finlandensia*. – 2005. – Т. XXII. – С. 125–138.

² См.: Макарова Н.И. Проблемы методологического синтеза в славяноведении: наследие В.И. Григоровича // *Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство*. – Казань, 2005. – С. 247–248.

Николай I уволил Болдырева из университета (!) за нерадение к службе. По рекомендации Болдырева – арабиста – библиотека Московского университета купила в Казани рукописи поэмы «Шах-Намэ» Фирдоуси, а также книги из личной библиотеки А.К. Казем-Бека. Примечателен факт, что у Болдырева учился П.Я. Петров (1814–1895) – выпускник словесного факультета Московского университета, чья научно-педагогическая деятельность прошла в Казани. Корифей санскрита, Петров совершенствовался в арабском, персидском, турецком языках у О.И. Сенковского, Ж.-Д. Деманжа, Ф.Ф. Шармуа и Ленца, работавших в Петербурге.

За десятилетие работы в Казани Петров первым в России подготовил курс лекций по истории литературы Индии; перевел на русский язык «Махабхарату»; создал тридцать научных работ. Раскрылся он здесь и как издатель-подвижник: выписав из Берлина санскритский шрифт. При издании своих работ выполнял функции наборщика типографии. В «Санскритской антологии» Петров опубликовал собственный перевод отрывков из «Рамаяны» и «Махабхараты», познакомив Россию и Европу с творчеством девяти индийских поэтов.

В 1852 г. он выехал в Москву, чтобы возглавить кафедру, которой некогда руководил его учитель А.В. Болдырев. В определенном смысле выпестованный московским «старшим братом», казанский собрат к середине XIX в. обрел контуры крупнейшего научного и образовательного центра. Выпускники Казани котируются и в Петербурге. Ученых двух университетов, помимо контактов, обмена кадрами и научными идеями, сближало социокультурное родство: энциклопедизм, формат научных и общественных интересов, интернационализм убеждений, гражданственность. Казанские «до мозга костей» И.И. Хальфин, И.Х. Френа, А.К. Казем-Бек, И.Н. Березин, О.М. Ковалевский, М.Г. Махмудов работали в столичных университетах, в Лазаревском и Восточном (Ришельевский лицей), Азиатском департаменте, Азиатском музее, в учебных заведениях Закавказья и Казахстана, Поволжья, Урала и Сибири.

Корпоративное сотрудничество университетов – важная страница их миссии. Глубоки и многогранны связи между учеными Казани и Тарту. Историк Харьковского университета профессор Н.Ф. Сумцов полагал: «Дерптский университет служил не только местному краю, но и всей России»¹. Этот университет отличался европейской постановкой преподавания, оснащенностью передовыми средствами науки материальной базой, корпоративным духом студенчества.

В подготовке квалифицированных специалистов для Казанского университета весьма значительную роль сыграл Профессорский институт (1828–1838 гг.) при Дерптском университете. В первый состав воспитанников по инициативе Н. Лобачевского были включены из Казанского университета Д.Л. Крюков и Н.А. Скандовский². Во втором составе воспитанников был посланец Казани Н.А. Иванов, впоследствии профессор – активист публичных лекций. В Казанском университете преподавали выпускники Профессорского института эко-

¹ Сумцов Н.Ф. Столетие Юрьевского, бывшего Дерптского, университета // Записки Императорского Харьковского университета. – Харьков, 1903. – Кн. I, Часть официальная. – С. 1–23.

² Российский государственный исторический архив РФ. Ф. 733. Оп. 56. Ед. хр. 655. Л. 190–195.

номист И.Я. Горлов, профессор механики П.И. Котельников¹. Научные связи в математике между университетами Тарту и Казани установились в первые десятилетия XIX в. Одобрение ученых Дерптского университета получило научное сочинение «De summo Iono» казанского ученого И.И. Запольского – талантливого преподавателя, ученого, писателя; он был инициатором «Казанских известий» – русско-татарской газеты города.

Примечательна личность Иоганна Мартина Бартэlsa – учителя Н.И. Лобачевского, И. Симонова, братьев В.М. и Д.М. Перевощиковых. В дерптский период Бартэльс с почтением отзывался о математических способностях студентов Казанского университета. Кстати, Бартэльс преподавал не только в университете, но и в Казанской гимназии – в высшем математическом классе – алгебру, геометрию, плоскую и сферическую тригонометрию, дифференциальные и интегральные исчисления². Результаты изысканий издал в Дерпте³. С именем К. Клауса связано открытие рутения. Клаус являлся связующим звеном научных традиций университетов Тарту и Казани.

Общая тенденция двух университетов – формирование преподавательского состава из своих воспитанников, подготовка российской национальной профессуры. Выпускник Казанской гимназии и университета В.М. Перевощиков стал профессором Дерптского университета, в 1828–1830 гг. – ректором Профессорского института⁴, членом Российской Академии. Д.М. Перевощиков, выпускник Казанского университета, был ректором Московского университета. Тарту дал Казани медиков К.А. Арнштейна, К.Э. Добровольского, Н.И. Кромера, И.Г. Линдгрена, Ф.В. Овсянникова, А. Озола, А.И. Раммуля, А.Ф. Самойлова, А.У. Фрезе, Э.И. Эйхвальда и др.⁵

Кафедру армянского языка, открытую в Казани в 1842 г., возглавил С.И. Назарьянц⁶, – воспитанник Дерптского университета. Назарьянц в 1846 г. публично защитил в Казанском университете магистерскую, а в 1849 г. – докторскую диссертацию на тему «Рудаки, Дакики и Фирдоуси», где проводил мысль, что восточный мир не менее достоин внимания науки, чем древнеклассический. Задачи кафедры армянского языка Назарьянц видел в том, чтобы «сделать доступными драгоценные сокровища армянской литературы... осветить мрачные области истории Востока». В соискателях кафедры был основоположник новой арабской литературы Х. Абовян – выпускник Тартуского университета.

В числе основателей казанского и отечественного славяноведения – проработавший в Казани четверть века В.И. Григорович. Он изучал классическую филологию и философию в Тартуском университете под руководством талантливого ученого К.С. Моргенштерна. Был убежден, что славяноведение «долж-

¹ Петухов Е.В. Императорский Юрьевский, бывший Дерптский, университет за сто лет существования. Т. 1. – Юрьев, 1902. – С. 496.

² Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 92. Оп. 1, 1818. Ед. хр. 819. Л. 1–3 (далее НА РТ).

³ Bartels I.M.C. Disquisitiones quatuor theoriam functionum analyticarum pertinentes... – Dorpati, 1822.

⁴ Обзор деятельности Дерптского университета, на память о 1802–1865 годах. 1866. – С. 87; Вяземский П.А. Соч. Т. 9. – С. 145.

⁵ Калинин В.В., Альбицкий В.Ю. Из истории связей Тартуского и Казанского университетов // Клиническая медицина. – 1981. – № 1. – С. 108–110.

⁶ НА РТ. Ф. 92. Оп. 1. Ед. хр. 8344. Л. 1, 5–6.

но способствовать сближению всех народов». Взгляды В.И. Григоровича были близки взглядам В.Г. Белинского и А.И. Герцена. Владимир Иванович контактировал с зарубежными и русскими учеными; его научные открытия составляют страницу истории мирового славяноведения.

Казанское востоковедение второй половины XIX в. – это поиски и обретения финноугроведа Михаила Петровича Веске (1843–1900) – поэта, журналиста, талантливого ученого. В 1885 г. по ходатайству Дерптского университета он был отправлен на два года в Венгрию, а оттуда – на Волгу и Урал изучать мадьярский и восточно-финские языки. Получив отказ в профессуре по эстонскому языку в Юрьевском университете, оказался в Казани, где стал преподавать финские языки в университете. Его недостаточный навык в русском языке и сам предмет стали причиной того, что в течение трех лет Михаил Петрович имел дело с одним слушателем. Но именно в этот период Веске совершил путешествие к черемисам и мордве, собрал до двухсот черемисских и мордовских песен и создал первый том «Славяно-финских культурных отношений по данным языка»¹.

Он высказал идею о доисторическом и развернутом влиянии славянства на финский мир. Материалы, хранящиеся в библиотеке КГУ, содержат 12 текстов черемисской словесности, присланных энтузиастами, желавшими помочь Веске в создании «Сборника произведений народной словесности черемис»². Хотя в Казани Веске опубликовал четыре работы, именно издание первого тома о славяно-финских культурных отношениях по данным языка длительное время имело важнейшее значение для воссоздания «начальной истории славянского и финского миров» (И.Н. Смирнов). Во время подготовки 2-го тома Михаил Петрович неожиданно умер.

В январе 1894 г. финские наречия в Казанском университете стал преподавать выпускник Дерптского университета Н.И. Андерсон (член-корр. финского литературного общества в Гельсингфорсе, 1895 г.)³. В Тартуском университете сравнительное языкознание и санскрит преподавал воспитанник Казанского университета А.И. Александров (1861–1918). Осенью 1886 г. он назначен на кафедру сравнительного языкознания и санскрита в Харьковском университете. Спустя три года вновь вернулся в Казанский университет.

Лучшие традиции связей университетов Тарту и Казани, особенно в области филологии, в последней четверти XIX в. продолжил И.А. Бодуэн де Куртене. Академик Л.В. Щерба писал: «Действительно, нельзя сказать, науке какого народа принадлежит его деятельность. Он работал среди русских, поляков, немцев (в Дерпте), писал по-польски, по-русски, по-словенски, по-чешски, по-немецки, по-французски, по-итальянски, по-литовски».

¹ Результатом двух путешествий к черемисам и мордве стали «Исследования о наречиях черемисского языка» (Казань, 1889). См. также: *Веске М.П.* Славяно-финские культурные отношения по данным языка // Известия ИОАИЭ. – 1890. – Т. VIII, Вып. 1. *Веске М.П.* Исследования о наречиях черемисского языка // Известия ИОАИЭ. – 1889. – Т. VII.

² См.: ОРРК. № 1395.

³ *Загоскин Н.П.* Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета (1804-1904). Ч. 1. – Казань, – С. 25–26. В ОРРК хранится рукопись Н.И. Андерсона на немецком языке «Мордовские гласные сравнительно с эстонско-финскими. К фонетике финско-угорских языков».

В казанский период Бодуэн де Куртенэ открыл путь в науку Шагбаз-Гирею Ахмерову (1849–1900) – народному учителю и исследователю татарского языкознания. Проведенный Бодуэном де Куртенэ анализ свойств татарского глагола свидетельствует о глубоком знании татарского языка. Заботясь о развитии востоковедения, особый интерес ученый проявлял к тюркологии, изучил алтайский и чувашский языки. Работая в течение семи лет над переизданием «Толкового словаря великоросского языка В.И. Даля» – выпускника Тартуского университета – Бодуэн де Куртенэ использовал свои записи казанского периода.

Просветительскую миссию университеты реализовали по многим каналам. Публичные лекции в Казани читал П.С. Кондырев, (впоследствии его коллеги). В Харькове публичные лекции по прикладным дисциплинам (лесоводство, технология, механика) постепенно расширились. С лекциями по истории, праву и филологии в Казани, Харькове выступали Ф.И. Левандский, С.В. Ешевский, К.Ф. Фукс, В.Г. Григорович, А.М. Бутлеров, А.И. Харнев, А.П. Котельников, А.В. Станиславский, Д.Я. Соколов, М.М. Лунин и др. Историк, профессор Харьковского университета Н.И. Костомаров (1817–1885), был инициатором преподавания и издания научно-политической литературы на украинском языке. Лекции на украинском языке читал славист, филолог и этнограф И.И. Срезневский (1812–1880).

Каналом выхода на широкую публику, обывателей были публичные лекции и воскресные школы. Первую скрипку играли преподаватели университета. Так, в 1840 г. Н.А. Иванов читал публичный курс русской истории. По наблюдению современников, его посещали все сословия Казани. Спустя четыре года профессор прочел серию публичных лекций «О Петре Великом». Популярность серии позволила хроникеру «Губернских новостей» заключить заметку резюме, что любовь к знанию составляет достояние разных слоев городского населения. Резонанс в формате города получили лекции профессора С.В. Ешевского.

Н.Н. Булич читал лекции в честь М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина, рассматривая духовное развитие, литературную и научную деятельность М. Ломоносова в параметрах культуры. Н.Н. Фирсов читал лекцию «Русские торговые и промышленные люди в Московском государстве». Профессор В.М. Виноградов неоднократно выступал в пользу студентов с публичными лекциями о происхождении холеры и мерах борьбы с ней. Популярными были публичные лекции К.Ф. Фукса о санитарном состоянии Казани.

Событиями для города были лекции А.М. Бутлерова «О химических пропорциях», Н.О. Ковалевского «О механической деятельности организма» и А.К. Чугунова «О минеральном масле как материале для освещения». Ученик Бутлерова, член Казанского экономического общества А.М. Зайцев¹ выступал с публичными докладами на тему «Пламя и его химические и физические свойства». Н.А. Головкинский читал лекции «Об образовании торфа и каменного угля»², П.И. Котельников – «О технических применениях динамического элек-

¹ Почетный член общества естествоиспытателей Киева и Москвы, член Берлинского химического общества.

² Н.А. Головкинский продолжил чтение благотворительных лекций, уже будучи профессором Новороссийского университета в Одессе.

тричества», пропагандируя научно-технические, преимущественно материалистические знания¹. Активностью выделялось Общество археологии, истории и этнографии (ОАИЭ). В период 1898–1914 гг. его возглавлял Н. Катанов. В год своего основания (1878 г.) Общество насчитывало 171, в 1890 г. – 189, в 1901 г. – 111 членов².

В основном это были преподаватели Казанского университета, Ветеринарного института, гимназий, училищ, общественные деятели, сотрудники периодической печати и др. В архивах Общества, хранящихся в отделе редких рукописей и книг библиотеки Казанского университета, только рукописей по черемисской словесности насчитывается 12.

За полвека деятельности Общество издало 34 тома «Известий» общим объемом более тысячи печатных листов. Из более тысячи публикаций примерно 400 посвящены истории края и его народов, свыше ста – истории и культуре народов Сибири, Средней Азии, Дальнего Востока. Реализуя просветительскую миссию университетов, члены ОАИЭ выступали застрельщиками оформления экспозиций на научно-промышленных выставках. В конце XIX в. подобные выставки имели в России заметный культурно-общественный резонанс. Об этом свидетельствуют и данные о численности посетителей выставок. В частности, выставку 1890 г., проходившую в Казани, посетили более пятидесяти тысяч человек. Помимо практической и коммерческой нагрузки экспонаты выполняли и научно-познавательную функцию. Так, на Сибирско-Уральской выставке, проходившей в Екатеринбурге (1887 г.), «особое помещение» было выделено для инородцев. Экспозиция Казанского университета, размещенная в отделе географии, включала коллекции «башкирских и киргизских (казахских) принадлежностей обыденной жизни врача Никольского». Университет экспонировал также русские и инородческие костюмы, вещи старых инородческих кладбищ и т. п. Казанский университет был тогда награжден золотой медалью за коллекцию предметов каменного века, представленную ОАИЭ. Награды получили и отдельные коллекционеры³.

Многообразие экспонатов и этнографических коллекций, представленных на выставке, отражено в специальной статье И.Н. Смирнова «Этнография на Казанской научно-промышленной выставке». Из 91 этнографического экспоната, переданного впоследствии городскому музею, особую ценность представляла коллекция марийской одежды с уникальными образцами домашнего ткачества и национальной вышивки, датируемыми концом XVIII – началом XIX вв. Учеными – членами Общества – созданы классические труды по истории и культуре финских народов. Десятки статей о культуре народов мари и мордвы принадлежат перу члена ОАИЭ И.Н. Смирнова.

В университетской типографии Казани публиковались не только учебные и научные издания, но и памятники древнетюркской литературы, произведения классиков арабской, персидской, татарской литератур. По свидетельству Н. Лихачева, в первую половину XIX в. «по количеству издаваемых книг Казань

¹ См.: Михайлова С.М. Роль Казанского университета в духовной культуре народов Востока России. – Казань, 1991. – С. 179.

² Известия ОАИЭ. – 1902. – Т. XVIII, Вып. 1–3. – С. 20–26.

³ См.: Волжский вестник. – 1887. – № 173. – С. 207.

почти все время занимала первое место после столичных городов»¹. Во вторую половину века Казань сохраняла книгоиздательские позиции, хотя временами уступала по показателям объемов, помимо столиц, Одессе, Киеву, Риге. Много книг – преимущественно авторства университетских ученых – издавал в Казани А.А. Дубровин. В 1880-е гг. при его магазине функционировал склад изданий казанских профессоров и книг, отпечатанных в Казани, каталог которых можно было получить бесплатно. На казанской научно-промышленной выставке 1890 г. издательская деятельность Дубровина отмечена серебряной медалью². Помимо И. Хальфина, Х. Мамышева, М.Г. Махмудова, А. Вагапова в издании татарских книг участвовали известные ученые университета И. Березин, А. Казем-Бек, О. Ковалевский, И. Симонов, Н. Лобачевский и др.

Вклад университетских ученых в науку дополнялся их участием в кругосветных экспедициях. И.М. Симонов, участник путешествия под руководством Ф.Ф. Беллинсгаузена и М.П. Лазарева (1819–1821), результатом которого явилось открытие Антарктиды, впоследствии ректор Казанского университета, удостоился чести присвоения его имени острову в Тихом океане и ряду географических точек Антарктиды. Признанием передовых позиций университетской науки России стало почетное членство ее профессоров в зарубежных университетах и академиях.

Так, А.К. Казем-Бек, заведовавший кафедрой турецко-татарского языка в Казани (1828–1849), был действительным членом Королевского Азиатского общества Лондона.

Выдающийся казанский тюрколог Н.Ф. Катанов (1862–1922) был почетным членом многих ученых обществ, включая финно-угорское общество Гельсингфорса, Международного общества наук и литератур в Левене (Бельгия).

Университетское образование и деятельность университетов в XIX в. явилась существенным фактором социокультурного прогресса и развития общественно-политической жизни. Университеты служили основным источником формирования интеллигенции, обеспечивали социополитические запросы населения. Казанский университет до перевода Восточного разряда в столичный университет был ведущим центром изучения истории и культуры народов Востока, а его ученые дали непревзойденные сочинения и пособия по тюркологии, иранистике, арабистике, исламоведению.

В индустриальную эпоху российские университеты генерировали идеологии, востребованные обществом, цементировали устои гражданского общества. С середины XX в. мировое сообщество занято поисками путей реформирования высшей школы. Для вузов стало обыденным использование в учебном процессе информационных технологий. Оформились методологии, основанные на системном и информационном подходах, программировании и диалоге.

Однако в силе остаются слова К. Ясперса о том, что университет – это «место, где сосредотачиваются люди духа, ставящие и решающие столь значительные задачи, что на этих людях и на их идеях должна держаться вся жизнь

¹ См.: Лихачев Н. Книгопечатание в Казани за первое пятидесятилетие существования в этом городе типографии. – СПб., 1895.

² Габдельганеева Г.Г. Книжная торговля в Казанской губернии. Вторая половина XVIII – 1917 г. – Казань, 2006. – С. 27.

общества». Миссия классических университетов, по Хабермасу, состоит в том, чтобы поддерживать «единство исследования и обучения, науки и общего образования, науки и просвещения, наук между собой». Великая хартия европейских университетов, принятая в Болонье, провозглашает их «независимыми институтами, занимающими центральное положение в обществе»¹. Будучи особым феноменом общественной практики, российские университеты выступали инструментом развития высокой культуры, внедрения ее в широкие слои населения, генерации идеологием современного национального и цивилизационного сообщества, апробации структур гражданского общества, формирования национальной интеллигенции народов России и мощным ускорителем их просвещения.

Summary

S.M. Mikhailova, O.N. Korshunova. The mission of the Universities in Russia: the XIX century.

Focusing the attention on the peculiarities of the university system of Russia, the authors illustrate the multifunctionality and sociocultural influence of the universities on the native civilization. Together with the characteristics of the achievements of the XIX century scientific schools which had Russian and all-over the world resonance, they discover the connections of the leading universities of the country and (the example of the Kazan university) the educational and social functions of the oldest universities.

Поступила в редакцию
25.06.06

Михайлова Савея Мухаметдиновна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой политической истории Казанского государственного университета.

Коршунова Ольга Николаевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных дисциплин Казанского государственного технологического университета.

¹ *Бухарев В.М.* Классический университет: откуда и куда // Казанский университет как исследовательское и социокультурное пространство. – Казань, 2005. – С. 8.